

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

СМЕРТЕЛЬНАЯ СТРИЖКА

МАРИЯ
МАРЦЕВА

DO NOT CROSS

Мария Марцева

**Детективные истории.
Смертельная стрижка**

«Автор»

2025

Марцева М.

Детективные истории. Смертельная стрижка / М. Марцева —
«Автор», 2025

Что общего между последним концертом пианистки, кулинарным рецептом и посещением парикмахерской? Все они могут стать местом преступления в новом сборнике ироничных детективов Марии Марцевой! Пять остроумных историй, где смерть подстерегает в самых неожиданных местах, а расследования ведут не суровые сыщики, а обычные люди с острым умом и здоровым чувством юмора. Здесь музыкальные инструменты превращаются в орудия убийства, кулинарные рецепты скрывают зловещие тайны, а поход к парикмахеру может стать последним в жизни. Гардеробная хранит больше секретов, чем одежда, а багажник автомобиля - не только запасное колесо. Мария Марцева мастерски превращает бытовые ситуации в захватывающие криминальные головоломки, где каждое преступление приправлено щедрой порцией черного юмора и житейского абсурда. Приготовьтесь к встрече с миром, где даже самая обычная стрижка может оказаться смертельно опасной, а справедливость торжествует благодаря находчивости самых неожиданных героев! Иллюстрации автора

© Марцева М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Введение	5
Последний аккорд пианистки.	6
Глава 1: Концерт прерван	7
Глава 2: Соперники и ученики	10
Глава 3: Ноты с секретом	14
Глава 4: Антиквариат и убийство	18
Глава 5: Финальная ария	22
Рецепт идеального убийства.	26
Глава 1: Кулинарный мастер-класс	27
Глава 2: Рецепты и секреты	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мария Марцева

Детективные истории.

Смертельная стрижка

Введение

Добро пожаловать в мир Марии Марцевой, где смерть приходит в самых неожиданных облициях! В новом сборнике «Смертельная стрижка» вас ждут пять искрометных иронических детективов, где каждое преступление – это театр абсурда, приправленный щедрой порцией черного юмора и житейского безумия.

Здесь пианистка исполняет свой последний аккорд при весьма загадочных обстоятельствах, а рецепт идеального убийства оказывается записан не в кулинарной книге, а в совсем другом месте. Вы узнаете, почему мертвец предпочел гардеробную в качестве последнего пристанища, и поймете, что стрижка в парикмахерской может стать действительно смертельной процедурой. А завершает этот калейдоскоп бытовых катастроф история о мертвом грузе в багажнике – грузе, который явно не планировал туда попасть.

Мария Марцева мастерски превращает обыденные места – концертные залы, кухни, парикмахерские и автомобили – в декорации для криминальных головоломок. В её мире расследования ведут не суровые детективы в плащах, а самые обычные люди: соседи, парикмахеры, пианисты и водители. Каждый из них обладает удивительной способностью находить улики в самых неожиданных местах и распутывать дела, которые на первый взгляд кажутся безнадежными.

Приготовьтесь к встрече с преступлениями, где злодеи могут скрываться за самыми невинными профессиями, а мотивы убийств оказываются столь же абсурдными, сколь и жизненными. Это детективы для тех, кто понимает: самые страшные тайны часто прячутся в самых обыденных вещах, а правосудие может восторжествовать благодаря находчивости и чувству юмора.

Последний аккорд пианистки.

Глава 1: Концерт прерван

Вот скажите мне, почему я, Валентина Сергеевна Соколова, учительница музыки в самой обычной московской школе, вечно попадаю в такие истории, от которых нормальные люди шарахаются как от чумы? Ну что мне стоило в тот проклятый вечер остаться дома, заварить чай с малиновым вареньем и посмотреть любимый сериал про ментов? Но нет же, потянуло меня на культурное мероприятие!

А началось всё с того, что моя подруга Людмила Петровна, завуч нашей школы, вручила мне билет на концерт классической музыки в консерватории. Билет был, надо сказать, не бесплатный, а очень даже дорогой – в первом ряду партера. Откуда у Людки такие деньги, ума не приложу, ведь зарплата у завуча не намного больше моей учительской. Но когда я осторожно поинтересовалась, она загадочно улыбнулась и сказала:

– Валя, дорогая, есть у меня один знакомый... Очень интеллигентный человек. Вот он и подарил.

Ага, знакомый! Мне уже сорок два года, и я прекрасно понимаю, что означает такой подарок от "знакомых". Людка, видимо, завела себе кавалера и теперь стесняется признаться. Ну и пусть, в её возрасте это только похвально. Главное, чтобы этот кавалер не оказался женатым альфонсом, как тот предыдущий, который "одолжил" у неё пятьдесят тысяч рублей и растворился в московских просторах.

Но билет есть билет, а я давно не была на серьёзном концерте. Всё больше детские утренники да школьные мероприятия. Поэтому я решила культурно провести субботний вечер.

Долго думала, что надеть. В моём шкафу висело три платья: одно – на выпускной, слишком нарядное для концерта, второе – повседневное, но с пятном от борща на рукаве, а третье – чёрное, строгое, но зато подходящее для любого случая. Выбрала чёрное, добавила мамины жемчужные бусы и решила, что выгляжу вполне респектабельно.

В консерватории было многолюдно. Публика подобралась интеллигентная: дамы в мехах и с аккуратными причёсками, господа в костюмах-тройках с галстуками. Я почувствовала себя немножко не в своей тарелке – всё-таки учительская зарплата не позволяет одеваться как московская богема.

Программа обещала быть интересной. В первом отделении выступал камерный оркестр под управлением дирижёра Игоря Владимировича Павлова. Фамилия показалась мне забавной – представила, как его в детстве дразнили одноклассники. Во втором отделении был объявлен сольный концерт знаменитой пианистки Елизаветы Моржовой.

О Моржовой я, конечно, слышала. Она была звездой первой величины, гастролировала по всему миру, записывала диски, жила на широкую ногу. В музыкальных кругах про неё ходили разные слухи: и о романе с известным композитором, и о скандале в Парижской опере, и о том, что она якобы крайне неприятна в общении. Но играла она действительно божеественно.

Первое отделение прошло замечательно. Оркестр исполнил "Времена года" Вивальди, и я даже прослезилась – так красиво было. Дирижёр Павлов управлял музыкантами очень энергично, размахивал руками, как мельник крыльями, и было видно, что он полностью погружён в музыку.

В антракте я пошла в буфет выпить чаю с пирожным. Цены там были, конечно, космические – за крохотное эклерчико просили триста рублей, но делать нечего, культура требует жертв. Рядом со мной в очереди стояла изящная блондинка лет тридцати в дорогом костюме. Она нервно теребила сумочку и что-то бормотала себе под нос.

– Простите, – не выдержала я, – вы не волнуетесь? Концерт же замечательный!

Блондинка вздрогнула и посмотрела на меня испуганными глазами:

– Да нет, что вы... Просто я... я работаю с Елизаветой Викторовной. Я её импресарио. Анна Крутова.

Значит, импресарио. Интересно, а много ли зарабатывают эти импресарио? Судя по костюмчику, неплохо.

– А что, с пианисткой проблемы? – поинтересовалась я.

Анна Крутова покачала головой:

– Елизавета Викторовна... она очень талантливая, но сложная. Всё время переживает перед выступлениями. Вот и сегодня с утра капризничает, говорит, что не будет играть, что у неё плохое предчувствие.

– Ну, это нормально для артистов, – успокоила я её. – У нас в школе девочки перед концертами тоже нервничают.

– Да, наверное, вы правы, – вздохнула Анна. – Просто в последнее время она какая-то особенно нервная. Говорит, что за ней кто-то следит.

Звонок оповестил о начале второго отделения, и мы разошлись по своим местам. Я устроилась в своём кресле первого ряда и приготовилась наслаждаться музыкой.

Елизавета Моржова появилась на сцене под аплодисменты. Высокая, стройная, в длинном чёрном платье, с тёмными волосами, собранными в строгий пучок. Красивая женщина, но в её лице было что-то напряжённое, почти болезненное. Она поклонилась залу, села за рояль и положила руки на клавиши.

Первым номером была "Лунная соната" Бетховена. Я закрыла глаза и погрузилась в волшебный мир звуков. Моржова играла потрясающе, каждая нота звучала как живая, и мне казалось, что я слышу не просто музыку, а чью-то исповедь.

Но вдруг что-то изменилось. Мелодия стала путаться, будто пианистка забыла ноты. Я открыла глаза и увидела, что Елизавета странно покачивается на стуле. Её лицо побледнело, руки дрожали.

– Что с ней? – прошептала сидевшая рядом дама в норковой шубе.

А потом всё случилось очень быстро. Елизавета Моржова вдруг схватилась за горло, издала какой-то хрипящий звук и рухнула прямо на клавиши рояля. Инструмент издал жуткий диссонанс, и в зале повисла мёртвая тишина.

Первой опомнилась я. Может, оттого, что в школе постоянно приходится оказывать первую помощь расшибившимся ученикам. Я вскочила с места и бросилась на сцену. За мной потянулись ещё несколько человек.

Елизавета лежала неподвижно, её лицо приобрело синеватый оттенок, глаза были закрыты. Я попробовала найти пульс – ничего. Попыталась сделать искусственное дыхание, но было поздно. Знаменитая пианистка была мертва.

– Вызывайте "скорую"! – закричала я. – И милицию!

В зале началась паника. Дамы в мехах взвизгивали, мужчины сустились, кто-то уже говорил по телефону. Появился дирижёр Павлов, его лицо было белее мела:

– Боже мой, что случилось? Что с ней?

– Сердечный приступ, наверное, – предположил кто-то из публики.

Но я подумала по-другому. Уж больно странно всё выглядело: как Елизавета схватилась за горло, как быстро посинела... Нет, это было похоже не на сердечный приступ, а на отравление.

Через десять минут консерватория кишела милиционерами и врачами. Врач "скорой помощи", осмотрев тело, нахмурился:

– Странно. Похоже на острое отравление. Нужно делать экспертизу.

А следователь, молодой мужчина в сером костюме, начал опрашивать свидетелей. Дошла очередь и до меня.

– Вы первой бросились на помощь? – спросил он. – Майор Петров, кстати.

– Валентина Сергеевна Соколова, учительница музыки, – представилась я. – Да, я сидела в первом ряду, сразу увидела, что с пианисткой что-то не то.

– А что именно показалось вам странным?

Я рассказала про то, как Елизавета схватилась за горло, как быстро посинела. Майор Петров записывал всё в блокнот.

– Скажите, а вы знали покойную лично?

– Нет, только по имени. Но в антракте разговаривала с её импресарио. Анна Крутова. Она говорила, что Елизавета Викторовна в последнее время нервничала, боялась, что за ней кто-то следит.

Глаза следователя загорелись:

– Интересно. Где сейчас эта Крутова?

Мы оглянулись. Анна Крутова стояла у стены, бледная как полотно, и тряслась как осинный лист.

– Вон там, – показала я.

Петров подошёл к импресарио и заговорил с ней. А я осталась стоять рядом с роялем и думать. Интуиция подсказывала мне, что это не просто несчастный случай. Кто-то намеренно убил знаменитую пианистку. Но кто и зачем?

Я посмотрела на ноты, лежавшие на пюпитре рояля. "Лунная соната" Бетховена. Обычные ноты, ничего особенного. Но что-то в них меня зацепило. На полях были какие-то карандашные пометки, совсем мелкие, едва заметные.

– Простите, – обратилась я к стоявшему рядом милиционеру, – а можно мне взглянуть на эти ноты?

Он пожал плечами:

– Да, пожалуйста, только не трогайте.

Я наклонилась поближе. На полях "Лунной сонаты" были написаны какие-то цифры и буквы. Выглядело как шифр или код. Что бы это могло значить?

– Валентина Сергеевна! – окликнул меня майор Петров. – Не могли бы вы подойти?

Я отошла от рояля, но цифры и буквы из нот запомнила. Интуиция учительницы музыки подсказывала: эти пометки – не случайность. Елизавета Моржова зашифровала в нотах какое-то сообщение. И возможно, именно из-за этого сообщения её убили.

Домой я вернулась только в два часа ночи. Голова шла кругом от пережитых событий. Я заварила себе крепкий чай, достала блокнот и записала всё, что запомнила: странное поведение Елизаветы перед концертом, её слова о том, что за ней следят, загадочные пометки в нотах.

И тут я поняла: моя спокойная жизнь учительницы музыки закончилась. Началось нечто совершенно невероятное, и я волей-неволей оказалась втянута в расследование убийства. Вот только не знала я тогда, что это убийство – лишь вершина айсберга, под которой скрывается целая паутина обмана, предательства и преступлений, связанных с миром искусства.

Глава 2: Соперники и ученики

На следующее утро я проснулась с тяжёлой головой и мрачными мыслями. Сон был беспокойный – всю ночь мне снились чёрные клавиши рояля, превращающиеся в зубы чудовища, и Елизавета Моржова, которая играла какую-то жуткую мелодию костлявыми пальцами. Проснувшись в половине седьмого, я поняла, что больше не засну, и отправилась на кухню варить кофе покрепче.

За завтраком я всё думала о вчерашних событиях. Интуиция подсказывала: смерть пианистки – не случайность. Слишком уж всё было подозрительно. И эти загадочные пометки в нотах не давали мне покоя. Я даже записала их на листочке: "A7-B12-C4-D9-E15". Что бы это могло означать?

Размышления прервал звонок телефона. Звонила Людмила Петровна.

– Валя, дорогая, ты как? – заботливо спросила она. – Я уже слышала про вчерашнее... Ужас какой!

– Слышала откуда? – удивилась я.

– Да во всех новостях показывают! "Скоропостижная смерть знаменитой пианистки в консерватории". Говорят, сердечный приступ.

Значит, официально объявили о сердечном приступе. Интересно, а что думает следователь Петров? Неужели он поверил в естественную смерть?

– Людка, а расскажи мне про этого твоего знакомого, который билет подарил, – попросила я.

В трубке повисла пауза.

– Да что тут рассказывать... Обычный мужчина. Интеллигентный.

– А работает где?

– В... в сфере культуры, – уклончиво ответила подруга.

Ага, значит, тайна. Ну и ладно, потом выясню. У меня были дела поважнее.

После звонка я решила съездить в консерваторию. Вдруг удастся что-то узнать о Елизавете Моржовой? Мне было любопытно, какие у неё были отношения с коллегами и учениками.

В консерватории царило напряжение. Студенты и преподаватели переговаривались шёпотом, многие выглядели расстроенными. Я подошла к информационному стенду, где висели объявления и фотографии. Среди прочего нашла расписание мастер-классов Елизаветы Викторовны. Оказывается, она регулярно проводила занятия с молодыми пианистами.

– Простите, – обратилась я к проходившей мимо девушке с нотами в руках, – вы не знаете, где можно найти учеников Елизаветы Викторовны Моржовой?

Девушка, худенькая брюнетка лет двадцати, вздрогнула:

– А зачем они вам?

– Я журналист, – соврала я не моргнув глазом. – Пишу статью памяти великой пианистки.

– Ах, понятно... – Девушка немного расслабилась. – Тогда вам стоит поговорить с Максимом Воронцовым и Светланой Белкиной. Они её любимые ученики. Точнее, были... – Она всхлипнула. – Максим сейчас в четырнадцатом классе репетирует.

Четырнадцатый класс нашёлся на втором этаже. За дверью слышались звуки рояля – кто-то играл Рахманинова, причём играл великолепно. Я постучала и вошла.

За роялем сидел молодой человек лет двадцати пяти с длинными тёмными волосами и нервным лицом. Увидев меня, он резко оборвал игру:

– Что вам нужно?

– Максим Воронцов? Меня зовут Валентина, я журналист. Хотела расспросить вас о Елизавете Викторовне.

Лицо парня помрачнело:

– Не хочу ничего рассказывать. Оставьте меня в покое.

– Понимаю, вам тяжело, но...

– Вы ничего не понимаете! – взорвался он. – Все думают, что она была святая, великая учительница! А на самом деле... – Он осёкся и отвернулся.

– А на самом деле что? – осторожно спросила я.

Максим мрачно посмотрел на меня:

– Она была жестокой. Холодной. Могла уничтожить человека одним словом. Знаете, что она мне сказала на последнем уроке? "У тебя нет души, Максим. Техника есть, а души нет. Может, стоит подумать о другой профессии?"

Я ахнула. Для музыканта такие слова – хуже пощёчины.

– И это всё?

– Нет, не всё. Она играла на зависти между учениками. Ставила нас друг против друга. Светке Белкиной говорила, что я бездарь, а мне – что она тупая гусыня. Мы из-за неё чуть не поссорились навсегда.

– А где сейчас Светлана?

– Дома, наверное. Она вчера после концерта убежала в слезах. Елизавета Викторовна при всех сказала ей, что если та так будет играть, то лучше идти замуж и нарожать детей.

Какая неприятная была эта пианистка! Но разве это повод для убийства? Хотя... в мире искусства страсти кипят нешуточные.

– Максим, а у Елизаветы Викторовны были враги среди коллег?

Он горько рассмеялся:

– А кто её любил? Дмитрий Борисович Розенталь, например, открыто говорил, что она "бездушная техничка". А Наталья Сергеевна Морозова считала, что Моржова ворует её учеников, переманивает посулами славы и денег.

– Розенталь и Морозова – это кто?

– Профессора консерватории. Очень уважаемые педагоги. Розенталь – пианист с мировым именем, а Морозова выпустила много лауреатов международных конкурсов.

Интересно. Значит, у покойной пианистки были серьёзные недоброжелатели в профессиональной среде.

– А что вы знаете про дирижёра Павлова?

– Игорь Владимирович? – Максим пожал плечами. – Обычный дирижёр. Немного странный, правда. Говорят, он коллекционирует что-то... антиквариат вроде. У него дома целый музей.

Антиквариат! Сердце моё подпрыгнуло. Вспомнились пометки в нотах. А что если это связано?

– Максим, спасибо вам за откровенность. А не подскажете адрес Светланы Белкиной?

Он неохотно продиктовал адрес. Девушка жила неподалёку от консерватории, в старом доме на Мерзляковском переулке.

По дороге к Светлане я зашла в кафе перекусить и обдумать услышанное. Картина проясняется: Елизавета Моржова была конфликтной личностью, у неё хватало недоброжелателей. Но кто из них способен на убийство?

Дом, где жила Светлана, оказался типичной старой хрущевкой: облупившаяся штукатурка, тёмные лестницы, запах кошачьих меток. Белкина жила на четвёртом этаже в коммуналке.

Дверь мне открыла полная пожилая женщина в цветастом халате:

– Вам кого?

– Светлану Белкину.

– Светка! – заорала женщина. – К тебе пришли!

Через минуту в коридоре появилась девушка – та самая брюнетка, с которой я разговаривала в консерватории. Увидев меня, она растерялась:

– Вы... вы же спрашивали про Максима...

– Да, это я. Валентина. Можно с вами поговорить?

Она неуверенно кивнула и провела меня в свою комнатку. Крохотная каморка с узкой кроватью, письменным столом и старым пианино. На стене висели портреты великих пианистов: Рубинштейн, Рихтер, Гилельс...

– Садитесь, пожалуйста, – пробормотала Светлана. – Только у меня беспорядок...

Она выглядела разбитой. Глаза красные от слёз, руки дрожат.

– Светлана, я знаю, что вчера Елизавета Викторовна при всех вас обидела...

– Обидела? – Девушка горько засмеялась. – Она меня просто уничтожила! При всех сказала, что у меня руки-крюки и слуха нет! Что таких, как я, должны отчислять на первом курсе!

Слёзы потекли по её щекам. Я протянула ей платок:

– Не расстраивайтесь так. Может, она просто хотела вас подстегнуть?

– Подстегнуть? – всхлипнула Светлана. – Да она меня ненавидела! Знаете почему? Потому что я училась у Натальи Сергеевны Морозовой, а между ними была старая вражда.

– Какая вражда?

– Они учились вместе в консерватории, были подругами. Но потом поссорились из-за мужчины. Кажется, обе были влюблены в одного пианиста. Он выбрал Наталью Сергеевну, а Елизавета Викторовна этого не простила.

Женская ревность! Классический мотив для преступления. А может, Морозова решила отомстить своей бывшей сопернице?

– Светлана, а что вы знаете об отношениях Моржовой с другими учениками?

Девушка промокнула глаза платком:

– Она была... странная. С мальчиками вела себя особенно. Максим не всё вам рассказал, наверное. Елизавета Викторовна флиртowała с молодыми пианистами. Говорили, что у неё были романы с учениками.

– Серьёзно?

– Помните Игоря Семёнова? Он был её любимчиком года три назад. Говорили, что они встречались. Потом он внезапно исчез – перевёлся в другой город. А недавно появились слухи, что и с Максимом у неё что-то было...

– А сам Максим что говорит?

– Отрицает. Но я видела, как она на него смотрела. И потом, почему она его так травила в последнее время? Может, он от неё отказался, и она мстила?

Интересная версия. Женщина-хищница, которая соблазняет молодых талантов, а потом их уничтожает. Вполне в духе чёрной вдовы.

– А вы знали, что Моржова боялась кого-то? Её импресарио говорила, что пианистка жаловалась на слезку...

– Да, последние месяцы она была очень нервная. Всё оглядывалась, проверяла замки. Говорила, что за ней следят какие-то люди. Мы думали, это паранойя.

– А не могли эти люди быть связаны с её коллекционерской деятельностью?

Светлана удивленно посмотрела на меня:

– Коллекционерской? А откуда вы знаете?

Я насторожилась:

– А что тут такого?

– Да вроде ничего... Просто она об этом не любила рассказывать. У неё дома была коллекция старинных нот и музыкальных инструментов. Очень дорогих. Как-то раз я у неё была, видела. Говорила, что это её хобби и одновременно вложение денег.

– А откуда у неё были деньги на такие покупки?

– Ну, она же известная пианистка. Концерты, записи, уроки... Деньги были.

Хм, а может, не только от музыкальной деятельности? Что если Моржова была втянута в торговлю антиквариатом? Легальную или не очень?

– Светлана, а Павлов, дирижёр, он часто общался с Елизаветой Викторовной?

– Игорь Владимирович? Да, они иногда вместе работали. Он тоже увлекается стариной. У них были общие интересы, кроме музыки.

Ага! Ещё одна ниточка. Павлов коллекционирует антиквариат, Моржова тоже. Совпадение? Не думаю.

Я попрощалась со Светланой и вышла на улицу. Голова шла кругом от обилия информации. Нужно было всё это систематизировать.

Зайдя в ближайший скверик, я села на лавочку и достала блокнот. Итак, что мы имеем: Мотивы для убийства:

1. Профессиональная зависть (Розенталь, Морозова, другие коллеги)
2. Личная обида учеников (Максим, возможно, другие)
3. Женская месть (если у неё были романы с учениками)
4. Что-то связанное с коллекционированием и антиквариатом

Подозреваемые:

1. Дирижёр Павлов (коллекционер, имел доступ к сцене)
2. Профессор Морозова (старая вражда)
3. Максим Воронцов (сложные отношения с учительницей)
4. Неизвестные лица, связанные с торговлей антиквариатом

А ещё эти загадочные пометки в нотах. Нужно их расшифровать. Возможно, в этом ключ к разгадке.

Я посмотрела на часы – половина четвёртого. Пора ехать домой, готовить ужин и обдумывать полученную информацию. А завтра попробую найти профессора Розенталя и Морозову. И ещё нужно выяснить, что за антиквариат коллекционировали покойная пианистка и дирижёр. Подозреваю, что именно в этом кроется разгадка преступления.

Но пока одно было ясно: Елизавета Моржова нажила себе множество врагов. Вопрос только в том, кто из них решился на убийство и зачем.

Глава 3: Ноты с секретом

Проснувшись я на следующее утро с твёрдым намерением разгадать загадку тех странных пометок в нотах Елизаветы Моржовой. Записанные на листочке цифры и буквы "A7-B12-C4-D9-E15" не давали мне покоя всю ночь. Во сне я даже видела, как они превращаются в музыкальные ноты и танцуют вокруг меня хоровод.

За завтраком я изучала свою запись, пытаясь найти в ней какой-то смысл. A7, B12, C4... Может быть, это номера произведений в каталоге? Или координаты? А может, адреса? Голова шла кругом от количества вариантов.

Тут зазвонил телефон. Звонила моя соседка Зинаида Петровна, большая любительница сплетен и обладательница феноменальной памяти на всякие пустяки.

– Валя, дорогуша, – зашебетала она в трубку, – я тут вспомнила, что ты вчера спрашивала про концерт. А у меня племянница в консерватории работает, в библиотеке. Может, она что-то знает про эту пианистку?

Племянница! Вот это мысль. В библиотеке консерватории должны быть каталоги, архивы, может быть, там я найду ключ к шифру.

– Зинаида Петровна, золотая вы моя, – обрадовалась я. – Не могли бы вы с ней поговорить?

Через час я уже стояла у ворот консерватории. Племянница Зинаиды Петровны оказалась милой девушкой по имени Оксана. Худенькая, в очках, с копной рыжих кудрей – типичная библиотекарьша.

– Про Елизавету Викторовну, да? – вздохнула она. – Ужасная история. Хотя, честно говоря, не все её любили. Она была... как бы это сказать... сложной в общении.

– А что вы знаете про её коллекцию антиквариата? – спросила я.

– Ой, много чего! Она часто приходила к нам в библиотеку, изучала каталоги аукционов, справочники по антиквариату. Говорила, что это её хобби. Но я заметила, что интересовали её в основном очень дорогие вещи. И ещё... – Оксана понизила голос, – она всегда очень нервничала, когда к ней кто-то подходил во время этих занятий. Прикрывала бумаги рукой, быстро складывала.

– А можно посмотреть каталоги, которые она изучала?

– Конечно! Пойдёмте в читальный зал.

Читальный зал консерваторской библиотеки напомнил мне библиотеку из фильма про Гарри Поттера – высокие потолки, старинные деревянные столы, ряды книжных шкафов до самого верха. На одном из столов лежала стопка каталогов аукционных домов.

– Вот это она изучала в последний раз, – показала Оксана. – "Сотбис", "Кристис"... Всё про продажу произведений искусства.

Я открыла первый каталог. Картины, скульптуры, старинная мебель, ювелирные изделия – всё с умопомрачительными ценами. Вот картина Моне за пятнадцать миллионов долларов, вот китайская ваза за три миллиона...

– А системы каталогизации у них какие? – спросила я. – Как произведения искусства нумеруются?

– Обычно каждому лоту присваивается номер, – объяснила Оксана. – Вот смотрите: A7 – это может означать зал А, лот номер 7. B12 – зал В, лот 12. Такая система вполне распространена.

Сердце моё подпрыгнуло! Значит, пометки в нотах – это номера лотов на аукционах! Но каких именно?

– Оксана, а у вас есть каталоги за последние месяцы? Хочется посмотреть конкретные лоты.

– Есть, конечно. Только зачем вам это?

Я решила не врать:

– Понимаете, я думаю, что смерть Елизаветы Викторовны была не случайной. И эти каталоги могут помочь найти мотив убийства.

Глаза Оксаны округлились:

– Серьёзно? А я-то думала, сердце прихватило... Сейчас принесу всё, что есть!

Она убежала между стеллажами, а я продолжила изучать каталоги. В одном из них, посвящённом аукциону "Сотбис" прошлого месяца, я нашла лот А7. Это была картина неизвестного художника XVIII века "Дама с веером". Оценочная стоимость – 80 тысяч фунтов стерлингов. Не так уж и дорого по меркам этого мира.

– Нашла что-то интересное? – Оксана вернулась с охапкой каталогов.

– Пока что лот А7 – картина за восемьдесят тысяч фунтов. А теперь поищем остальные.

Мы принялись за работу. В каталоге "Кристис" обнаружился лот В12 – старинная серебряная табакерка работы Карла Фаберже. Цена – 120 тысяч евро. С4 оказался антикварным столом красного дерева, D9 – китайской вазой династии Мин, а E15 – старинной скрипкой работы мастера Гварнери.

– Дорогие игрушки, – присвистнула Оксана, подсчитывая общую стоимость. – На полтора миллиона долларов наберётся.

– И все эти лоты были на аукционах в последние три месяца, – задумчиво проговорила я. – Интересно, кто их покупал?

– А это можно узнать! – обрадовалась Оксана. – У нас есть подписка на отчёты аукционных домов. Правда, имена покупателей там не всегда указываются, но можно попробовать.

Через полчаса мы выяснили поразительную вещь: все пять предметов были проданы одному покупателю! В документах он значился как "частный коллекционер из России", но имени не указывалось.

– Странно, – пробормотала я. – Зачем Елизавете было записывать номера лотов, купленных кем-то другим?

– А может, она сама их покупала? – предположила Оксана. – Через подставное лицо?

– На полтора миллиона долларов? Да у неё таких денег не было! Она хоть и знаменитая пианистка, но не настолько богатая.

Тут я вспомнила слова Светланы о том, что Моржова последнее время была очень нервной, говорила о слежке. А что если она не покупала эти вещи, а знала что-то о них такое, что могло стоить ей жизни?

– Оксана, а можно посмотреть информацию об этих предметах поподробнее? Откуда они поступили на аукцион, кто их сдавал?

– Сейчас найдём...

И тут выяснилась ещё более интересная деталь. Картина "Дама с веером" поступила на аукцион из "частной коллекции", табакерка Фаберже – тоже из "частной коллекции", и все остальные предметы – оттуда же. Никаких конкретных имён прежних владельцев.

– Подозрительно, – прошептала Оксана. – Обычно указывают хотя бы фамилию, а тут сплошные "частные коллекции".

А у меня в голове начала складываться картинка. Что если все эти предметы были краденые? И Елизавета Моржова каким-то образом об этом узнала? Может быть, она даже была в доле с ворами, а потом решила их подставить?

– Оксана, у вас есть доступ к базе данных украденных произведений искусства? Интерпол ведёт такой учёт, я слышала.

– Есть! Мы подписаны на бюллетени. Сейчас проверим.

И снова сюрприз! Картина "Дама с веером" значилась в списке произведений, украденных из частного музея в Германии два года назад. Табакерка Фаберже была похищена из петер-

бургского особняка год назад. Китайская ваза пропала из коллекции московского предпринимателя полгода назад.

– Ну, всё! – воскликнула я. – Все пять предметов – ворованные! А Елизавета Моржова об этом знала.

– Но зачем она записала их номера в нотах? – не понимала Оксана.

– Страховка, наверное. На всякий случай. А может, собиралась кого-то шантажировать. Или наоборот – хотела сдать воров полиции, но боялась делать это открыто.

Мы с Оксаной смотрели друг на друга, осознавая масштаб открытия. Перед нами была схема торговли краденными произведениями искусства! Кто-то воровал дорогие антикварные вещи, потом продавал их через аукционные дома под видом лотов из "частных коллекций", а покупал всё это один и тот же таинственный "коллекционер из России".

– Знаете что, – сказала я Оксане, – мне нужно срочно поговорить с тем следователем, который расследует смерть пианистки. Эта информация может оказаться очень важной.

– А можно я с вами? – попросила она. – Это же так интересно! Как в детективном романе.

Хотелось мне сказать ей, что в реальной жизни всё не так романтично, как в книжках, и что связываться с убийцами опасно. Но язык не поворачивался отказать такой помощнице.

– Ладно, только осторожно. Если мы правы, то имеем дело с серьёзными преступниками.

Мы скопировали всю найденную информацию и отправились в отделение милиции. Майор Петров выслушал нас внимательно, иногда удивлённо поднимая брови.

– Интересная версия, – сказал он, наконец. – И логичная. Выходит, Моржова знала о торговле краденными вещами, и кто-то её за это убил.

– А кто мог знать о её осведомлённости? – спросила я.

– Любой из участников схемы. Продавцы, покупатели, посредники. Круг подозреваемых сразу расширяется.

– Майор, а что если начать с дирижёра Павлова? – предложила я. – Ведь он тоже коллекционирует антиквариат. И у него был доступ к сцене в ночь убийства.

– Хорошая мысль. Завтра утром нанесём ему визит. А вы, гражданочка Соколова, больше никуда не лезьте. Расследование – дело серьёзное, не игрушка.

Но разве могла я остановиться на полпути? Интуиция подсказывала: разгадка где-то совсем рядом. И главную роль в этой истории играл именно антиквариат.

По дороге домой я зашла в интернет-кафе и поискала информацию об Игоре Владимировиче Павлове. Оказалось, что он действительно известный коллекционер. В интернете даже были фотографии его квартиры – настоящий музей! Старинная мебель, картины, скульптуры, музыкальные инструменты...

И тут я заметила деталь, от которой кровь застыла в жилах. На одном из снимков, среди прочих сокровищ, стояла китайская ваза. Очень похожая на ту, что значилась под номером D9 в моих записях!

Неужели Павлов и есть тот самый таинственный "частный коллекционер из России"? Неужели он покупает краденные вещи? А может быть, не только покупает, но и организует их кражи?

Домой я приехала в полном смятении. Если Павлов действительно главарь воровской схемы, то он мог убить Елизавету, чтобы замести следы. У него был мотив, возможность и средства.

Но как это доказать? И главное – насколько это опасно? Если я права, то дирижёр – очень опасный человек. И если он узнает о моих подозрениях...

Не хотелось мне думать о том, что может случиться. Лучше сосредоточиться на поиске доказательств. Завтра майор Петров пойдёт к Павлову с проверкой. А я тем временем попробую узнать побольше о схеме торговли антиквариатом.

Засыпая, я думала о том, как сильно изменилась моя жизнь за последние дни. Ещё неделю назад моими самыми серьёзными проблемами были двойки учеников по сольфеджио и сломавшееся в школе пианино. А теперь я расследую убийство и международную преступную схему.

Но что-то мне подсказывало: самое интересное ещё впереди.

Глава 4: Антиквариат и убийство

Следующий день я начала с того, что решила навести справки о дирижёре Павлове. Интуиция подсказывала: если он действительно тот самый таинственный коллекционер, покупающий краденые вещи, то нужны доказательства. А где искать доказательства? Конечно же, в интернете!

Позавтракав овсяной кашей с изюмом и выпив две чашки кофе для бодрости, я устроилась за компьютером. Игорь Владимирович Павлов оказался довольно публичной фигурой. В сети нашлось множество интервью, фотографий с концертов, статей о его дирижёрской деятельности.

Но меня больше интересовала его коллекция. И тут выяснились интересные подробности. Павлов действительно был страстным коллекционером, причём специализировался на музыкальных инструментах и нотах XVIII-XIX веков. В одном интервью он хвастался, что у него дома есть клавесин работы знаменитого мастера Руккера и скрипка Страдивариуса.

Я присвистнула. Скрипка Страдивариуса стоит миллионы долларов! Откуда у дирижёра, пусть даже известного, такие деньги? Зарплата дирижёра, конечно, неплохая, но не настолько.

Порывшись ещё немного, я нашла упоминание о том, что Павлов является совладельцем антикварного салона "Музыкальная шкатулка" в центре Москвы. Ага! Вот и связь с антикварным бизнесом.

Не долго думая, я оделась и отправилась по указанному в интернете адресу. Салон "Музыкальная шкатулка" располагался в старинном особняке на Остоженке. Красивое здание XIX века, дорогие витрины, всё солидно и респектабельно.

Внутри салона царила атмосфера старинной роскоши. Антикварная мебель, картины в золочёных рамах, витрины с музыкальными инструментами. За прилавком сидела элегантная дама лет пятидесяти с аккуратной причёской и дорогим костюмом.

– Добро пожаловать в "Музыкальную шкатулку", – улыбнулась она. – Чем могу помочь?

– Меня зовут Валентина, – представилась я. – Я учительница музыки. Хотела бы познакомиться с вашим ассортиментом, может быть, что-то приобрести для школы.

Женщина, представившаяся Инессой Борисовной, с энтузиазмом принялась показывать мне товар. Цены кусались даже за простые нотные тетради XIX века, а уж за инструменты просили суммы, которые превышали мою годовую зарплату.

– А скажите, – как бы невзначай спросила я, – ваш совладелец, дирижёр Павлов, часто бывает в салоне?

– Игорь Владимирович? – Инесса Борисовна немного напряглась. – Он больше занимается закупками. Ездит по Европе, ищет редкие экземпляры для нашей коллекции.

– Интересная работа, наверное. А откуда обычно поступают вещи?

– Из разных источников. Частные коллекционеры, аукционные дома... – Голос женщины стал осторожным. – А зачем вас это интересует?

Я поняла, что зашла слишком далеко, и быстро свернула разговор, сославшись на нехватку денег. Но главное я уже поняла: Павлов действительно торгует антиквариатом и часто ездит за границу.

Выйдя из салона, я решила позвонить майору Петрову. Он должен знать о моих подозрениях.

– Валентина Сергеевна? – удивился он. – Я как раз собирался вам звонить. У нас есть новые данные о смерти Моржовой. Экспертиза показала, что она была отравлена редким ядом – аконитином. Это алкалоид из растения аконит, или борец.

– Страшно звучит, – пробормотала я. – А где можно достать такой яд?

– Вот в том-то и дело. Аконитин используют в некоторых гомеопатических препаратах, но в очень малых дозах. А смертельную концентрацию можно получить, только если специально готовить яд из растения. Это требует определённых знаний в химии.

– Майор, а у меня есть информация о Павлове. Оказывается, он владеет антикварным салоном и часто ездит за границу якобы за покупками.

– Очень интересно. Мы сегодня планировали навестить его дома. Присоединяйтесь, если хотите. Ваш взгляд со стороны может пригодиться.

Через час мы встретились у дома, где жил Павлов. Элитная новостройка в районе Сокольников, квартира на последнем этаже с панорамными окнами. Денег у дирижёра явно было немало.

Павлов встретил нас настороженно, но виду не подал. Высокий, седоватый мужчина лет пятидесяти пяти, с аристократическими чертами лица и выразительными глазами.

– Господин Павлов, – начал майор Петров, – нам нужно задать вам несколько вопросов о смерти Елизаветы Моржовой.

– Конечно, я готов помочь следствию, – ответил дирижёр. – Проходите, пожалуйста.

Квартира поразила меня своим великолепием. Это был настоящий музей! Стены увешаны картинами, в углах стояли старинные музыкальные инструменты, витрины полны раритетов. И главное – я узнала несколько предметов по фотографиям из аукционных каталогов!

Вот та самая китайская ваза династии Мин, что значилась под номером D9. А вот серебряная табакерка Фаберже – лот B12. Сердце моё застучало как бешеное. Павлов действительно покупал краденые вещи!

– Впечатляющая коллекция, – заметил майор Петров. – Наверное, очень дорого обошлась?

– Я коллекционирую всю жизнь, – скромно ответил Павлов. – Покупаю на аукционах, у частных лиц. Это моя страсть.

– А скажите, вы хорошо знали покойную пианистку?

– Мы иногда сотрудничали. Елизавета Викторовна была талантливейшей исполнительницей, но... сложным человеком.

– В каком смысле сложным?

Павлов помедлил:

– Она была очень амбициозной. И меркантильной. Всегда интересовалась деньгами больше, чем искусством.

А вот это уже интересно! Значит, между Моржовой и Павловым были финансовые отношения.

– Игорь Владимирович, – вмешалась я, – а правда, что Елизавета Викторовна помогала вам в антикварном бизнесе?

Дирижёр резко повернулся ко мне:

– С чего вы взяли? Мы занимаемся исключительно легальной торговлей.

– Я не сомневаюсь, – успокоила я его. – Просто слышала, что пианисты иногда помогают перевозить хрупкие инструменты во время гастролей. Наверное, удобно – вместе с нотами провезти старинный клавиесин или скрипку.

По лицу Павлова промелькнула тень беспокойства:

– Не знаю, о чём вы говорите. Елизавета Викторовна никогда не перевозила для нас ничего.

Но я уже поняла, что попала в точку! А майор Петров, видимо, тоже это заметил, потому что стал задавать вопросы более настойчиво:

– Господин Павлов, не могли бы вы показать документы на ваши приобретения? Вот, например, на эту вазу?

– Все документы в порядке, – напрягся дирижёр. – Но я не обязан их вам показывать без ордера на обыск.

– Конечно, не обязаны. Это просто просьба. Мы пытаемся выяснить все обстоятельства смерти пианистки.

Павлов прошёл в кабинет и принёс папку с документами. Майор внимательно их изучил, что-то записал в блокнот. А я тем временем разглядывала коллекцию.

И тут я заметила ещё одну знакомую вещь! Старинный столик красного дерева, точь-в-точь такой же, как на фотографии лота С4. Неужели это тот самый стол?

– Красивый столик, – заметила я. – Где приобрели?

– На аукционе "Кристис", – быстро ответил Павлов. – Прошлой осенью.

Точно! Лот С4 действительно продавался на "Кристис" осенью. Совпадение? Не думаю.

– А скажите, – продолжила я, – когда вы последний раз разговаривали с Елизаветой Викторовной?

– В день концерта, конечно. Мы репетировали утром.

– И как она себя чувствовала?

– Нервничала, как обычно перед выступлениями. Жаловалась на головную боль.

Головная боль! А что если её уже тогда начали травить? Аконитин ведь действует не сразу.

– Игорь Владимирович, а вы не знаете, кто мог желать смерти пианистке? У неё были враги?

Дирижёр пожал плечами:

– У всех известных людей есть недоброжелатели. Елизавета Викторовна была... резкой в суждениях. Многих обижала.

– А вас она когда-нибудь обижала?

– Мы были партнёрами, а не друзьями, – уклончиво ответил он.

Партнёрами в чём? В музыке или в чём-то ещё?

Майор Петров закончил изучение документов и вернул папку хозяину:

– Спасибо за сотрудничество. Возможно, нам придётся побеспокоить вас ещё раз.

– Конечно, я всегда к вашим услугам, – вежливо ответил Павлов, но в глазах его читалась настороженность.

На улице майор поделился впечатлениями:

– Документы вроде бы в порядке, но что-то меня смущает. Слишком уж дорогие вещи для дирижёрской зарплаты.

– Майор, а вы заметили? Там есть те самые предметы из моего списка! Ваза, табакерка, столик – всё на месте.

– Серьёзно? Значит, он действительно тот самый покупатель краденых вещей?

– Похоже на то. А теперь главный вопрос: знала ли об этом Моржова? И если знала, то что собиралась делать?

– Может быть, шантажировать? – предположил майор. – Или требовать долю в прибылях?

– А может быть, хотела выйти из дела? Испугалась и решила прекратить сотрудничество?

Мы дошли до кафе и зашли выпить кофе. За чашкой ароматного напитка я изложила майору свою теорию:

– Представьте: Павлов организует схему торговли краденными антикварными вещами. Покупает их на аукционах, используя подставных лиц. А перевозит с помощью музыкантов. Кто проверяет багаж знаменитой пианистки? Она же едет с нотами, инструментами...

– Логично, – согласился майор. – Моржова была его курьером.

– Да! А потом что-то пошло не так. Может быть, она испугалась, может быть, захотела больше денег. Или вообще решила сдать Павлова полиции.

– И он её убрал, чтобы замести следы.

– Именно! Аконитин можно было подмешать в воду или чай во время утренней репетиции. А действие яда проявилось только вечером, во время концерта.

– Но как это доказать? – вздохнул майор. – Все документы у него в порядке, прямых улик нет...

– А что если поискать свидетелей? Кто-то же должен был видеть, как Моржова перевозила "музыкальные инструменты". Или работников аэропорта, или таможенников...

– Хорошая мысль. Займёмся этим завтра.

Я вернулась домой в задумчивом настроении. Картинка проясняется, но до полной ясности ещё далеко. Павлов явно замешан в торговле краденными вещами. Моржова что-то знала и, возможно, поплатилась за это жизнью. Но нужны доказательства!

Вечером я позвонила Оксане из библиотеки консерватории:

– Оксанка, не могли бы вы разузнать, часто ли Моржова ездила с концертами за границу? И какой у неё был багаж?

– Конечно! – обрадовалась девушка. – Я завтра же поспрашиваю. У нас в консерватории все друг про друга всё знают.

А потом я долго не могла заснуть, прокручивая в голове события последних дней. Интуиция подсказывала: разгадка где-то рядом. Но что-то ещё не складывается в общую картину. Какая-то важная деталь ускользает от моего внимания.

Павлов убил Моржову, это почти очевидно. Но почему именно сейчас? Что послужило последней каплей? И главное – как заманить его в ловушку?

Засыпая, я думала о том, что завтра может принести решающий поворот в деле. А может быть, и новые опасности. Ведь если Павлов действительно убийца, то он не остановится и перед второй жертвой...

Глава 5: Финальная ария

Утром следующего дня меня разбудил звонок майора Петрова. По голосу было слышно, что он взволнован.

– Валентина Сергеевна, у нас есть новые данные! – сказал он без предисловий. – Мы проверили багаж Моржовой за последние полгода. И знаете что выяснилось? Она действительно возила с собой какие-то "музыкальные инструменты" – всегда в специальных кейсах, застрахованных на огромные суммы.

– Значит, моя теория подтвердилась, – удовлетворённо проговорила я. – Она была курьером Павлова.

– Более того, мы нашли таможенную декларацию, где указано, что месяц назад она ввозила из Германии "старинный клавесин XVIII века". А в музее в Дрездене как раз в это время пропал именно такой инструмент.

– Отлично! А что по аконитину?

– Вот тут интересно. Мы проверили – в России это растение практически не встречается в дикой природе. Но оно есть в ботанических садах и оранжереях. И угадайте, где мы обнаружили целую клумбу аконита?

Я затаила дыхание.

– В частном саду загородного дома Павлова! – торжественно объявил майор. – Он увлекается садоводством, выращивает редкие и ядовитые растения.

– Вот негодяй! – возмутилась я. – Значит, он сам изготовил яд и отравил несчастную Елизавету. Но как доказать, что именно он это сделал?

– Над этим мы и работаем. Хотели бы попросить вашей помощи. У вас же талант разговаривать людей на откровенность.

– А что вы предлагаете?

– Встретиться с Павловым под каким-нибудь предлогом и попытаться его разговорить. Конечно, с нашей страховкой – будем рядом, записывать разговор.

Идея мне не очень нравилась. Встречаться с убийцей тет-а-тет – занятие не для слабонервных. Но любопытство взяло верх над осторожностью.

– Хорошо, – согласилась я. – Только давайте продумаем, как подойти к нему так, чтобы не вызвать подозрений.

Через час мы встретились в кафе неподалёку от дома Павлова. Майор Петров привёз с собой молодого оперативника по имени Сергей, который должен был обеспечивать мою безопасность.

– Вот план, – сказал майор, разворачивая листок бумаги. – Вы звоните Павлову и говорите, что занимаетесь написанием статьи о творческих людях, которые совмещают искусство с коллекционированием. Просите интервью для журнала. Мужское тщеславие сделает своё дело – он согласится.

– А если не согласится?

– Тогда скажете, что представляете музыкальную школу, которая хочет организовать экскурсию для детей к знаменитому дирижёру-коллекционеру. В общем, что-нибудь придумаете. У вас же талант к импровизации.

Я набрала номер Павлова, которого взяла из телефонной книги консерватории. Трубку сняли не сразу.

– Да? – раздался знакомый голос.

– Игорь Владимирович, это Валентина Соколова, мы встречались в связи со смертью Елизаветы Моржовой. Я работаю над статьёй о творческих людях, которые успешно совмещают искусство с другими увлечениями. Не могли бы вы уделить мне немного времени?

Пауза. Потом:

– А для какого издания статья?

– Для журнала "Музыкальная жизнь", – соврала я не моргнув глазом.

– Хм... А почему именно я?

– Ну как же! Известный дирижёр, владелец антикварного салона, коллекционер с мировым именем. О вас столько интересного рассказывают...

Лесть подействовала. Павлов смягчился:

– Что же, приезжайте. Только не очень надолго – у меня сегодня репетиция.

Договорились встретиться у него дома через час. Майор Петров и Сергей должны были находиться в машине неподалёку и слушать наш разговор через микрофон, который мне прикрепили к одежде.

Дом Павлова в элитном посёлке под Москвой поражал роскошью. Двухэтажный особняк с колоннами, ухоженный сад, дорогие автомобили в гараже. Явно жизнь дирижёра была очень и очень обеспеченной.

Павлов встретил меня в домашнем кабинете – огромной комнате, стены которой были увешаны портретами композиторов и фотографиями с известными музыкантами. Повсюду стояли антикварные музыкальные инструменты и другие старинные предметы.

– Располагайтесь, – указал он на кресло напротив своего письменного стола. – Чай, кофе?

– Чай, пожалуйста.

Он вызвал прислугу и заказал чай. Затем сел напротив меня, сложив руки на столе.

– Итак, о чём хотите поговорить?

– Прежде всего, о том, как вы совмещаете музыкальную карьеру с коллекционированием. Это ведь требует огромных средств...

– Да, конечно. Но знаете, хорошие вещи – это не только красота, но и вложение капитала. Антиквариат только дорожает.

– А откуда вы берёте средства на покупки? Только от дирижёрской деятельности?

Павлов слегка насторожился:

– Не только. У меня есть салон "Музыкальная шкатулка", мы занимаемся торговлей антиквариатом. Весьма прибыльный бизнес, между прочим.

– А как происходит поиск редких вещей? Наверное, приходится ездить по аукционам?

– Именно. Я регулярно бываю на распродажах "Сотбиса", "Кристиса"... Там можно найти настоящие сокровища.

Принесли чай. Я сделала глоток и продолжила:

– А не приходилось ли вам сталкиваться с подделками? Или, не дай бог, с краденными вещами?

Лицо Павлова слегка побледнело:

– Что вы имеете в виду?

– Да так, в прессе иногда пишут, что на аукционах продают вещи сомнительного происхождения...

– Это проблема самих аукционных домов. Я же покупаю всё честно, с документами.

– Конечно, конечно. А скажите, Елизавета Моржова помогала вам в антикварном бизнесе?

Павлов резко поставил чашку на стол:

– С чего вы взяли?

– Да так, подумалось... Музыканты ведь часто ездят на гастроли, могли бы привозить небольшие предметы...

– Никто мне ничего не привозил! – резко сказал дирижёр. – И вообще, какое отношение это имеет к вашей статье?

Я поняла, что нащупала болевую точку. Нужно действовать осторожнее.

– Извините, просто любопытство журналиста. Хотелось узнать, как строятся деловые отношения в мире искусства.

Павлов не успокоился:

– Слушайте, а вы точно журналист? У вас есть удостоверение?

Тут я поняла, что дело принимает опасный оборот. Но отступить было поздно.

– Игорь Владимирович, а правда ли, что китайская ваза династии Мин, которая стоит у вас в гостиной, была украдена из коллекции московского предпринимателя?

Павлов побледнел как полотно. Несколько секунд он смотрел на меня, потом медленно спросил:

– Кто вы такая?

– Валентина Сергеевна Соколова, учительница музыки. И я знаю, что вы торгуете краденными произведениями искусства. И что Елизавета Моржова помогала вам перевозить их под видом музыкальных инструментов.

Павлов встал из-за стола и принялся мерить шагами кабинет:

– Бред какой-то... У меня все документы в порядке...

– А серебряная табакерка Фаберже? А картина "Дама с веером"? А старинная скрипка Гварнери? Всё это числится в списках украденных произведений искусства.

– Откуда вы это знаете? – прошипел дирижёр.

– Елизавета записала номера лотов в своих нотах. Я их расшифровала.

Павлов остановился и уставился на меня:

– Она что, оставила записи? Я думал, уничтожил все улики...

Ага! Проговорился!

– Значит, вы её убили из-за этого? – спросила я как можно спокойнее.

Павлов рухнул в кресло и закрыл лицо руками:

– Она стала слишком жадной... Хотела большую долю, угрожала всё рассказать милиции, если я не увеличу её процент. А потом сказала, что больше не будет возить ничего, что боится...

– И вы решили её убрать?

– Я не хотел! – вскричал он. – Но она могла меня погубить! У меня ведь не только коллекция – я должен поставщикам в Европе огромные деньги. Если бы схема раскрылась...

– Как вы её отравили?

Павлов поднял голову. В глазах его читалось отчаяние:

– Аконитин... Я добавил его в воду, которую она пила во время утренней репетиции. Рассчитал дозу так, чтобы действие проявилось только вечером, во время концерта. Думал, подумают на сердечный приступ от волнения...

– А зачем растили ядовитые растения в саду?

– Это... это было хобби. Меня всегда интересовала ботаника. А потом, когда Елизавета стала шантажировать... Я понял, что аконит может пригодиться.

В этот момент в кабинет ворвались майор Петров и оперативник Сергей.

– Игорь Владимирович Павлов, вы арестованы по подозрению в убийстве Елизаветы Моржовой и торговле краденными произведениями искусства, – объявил майор, надевая на дирижёра наручники.

Павлов не сопротивлялся. Он казался полностью раздавленным.

– Я всё расскажу, – пробормотал он. – Всё... И про схему, и про поставщиков в Европе, и про покупателей...

Позже, в машине по дороге в город, майор Петров рассказал мне подробности:

– Схема была отработанная. Павлов заказывал кражи дорогих произведений искусства через посредников в Европе. Потом эти вещи "всплывали" на аукционах как лоты из "частных коллекций" – естественно, с поддельными документами о происхождении. Павлов их покупал

через подставных лиц, а Моржова привозила в Россию в специальных кейсах под видом музыкальных инструментов.

– А зачем ему это было нужно? – спросила я. – У него ведь и так хватало денег.

– Жадность, – пожал плечами майор. – Плюс азарт. Некоторые люди не могут остановиться, когда почувствуют вкус лёгких денег. А антиквариат – очень прибыльный бизнес, если не особенно церемониться с законом.

– И сколько времени это продолжалось?

– По предварительным данным – около трёх лет. За это время через схему прошло произведений искусства на несколько миллионов долларов.

– А что будет с Павловым?

– Убийство, торговля краденным имуществом, организация преступной группы... Лет пятнадцать он точно не выйдет. А может, и больше.

Я откинулась на спинку сиденья и вздохнула. Ещё неделю назад я была простой учительницей музыки, а сегодня помогла раскрыть международную преступную схему и изобличить убийцу. Жизнь – штука непредсказуемая.

– Валентина Сергеевна, – сказал майор Петров, – у вас определённо талант к сыскному делу. Может, подумаете о смене профессии?

Я рассмеялась:

– Спасибо, но нет. Мне хватило одного расследования. Лучше я буду учить детей музыке – это спокойнее и безопаснее.

Хотя, кто знает... Жизнь полна сюрпризов. И если судьба снова подбросит мне загадочное преступление, возможно, я не устою перед соблазном его разгадать. Ведь, как выяснилось, у меня к этому определённые способности.

На следующий день все газеты писали об аресте знаменитого дирижёра. А меня пригласили дать интервью на радио как "учительницу, которая помогла раскрыть преступление века". Слава – штука приятная, но я предпочла остаться в тени.

Спустя месяц я получила письмо от Анны Крутовой, импресарио покойной пианистки. Она писала, что создаёт фонд помощи молодым музыкантам имени Елизаветы Моржовой и хотела бы, чтобы я вошла в попечительский совет.

Я согласилась. В конце концов, Елизавета, несмотря на все свои недостатки, была талантливой пианисткой. И хорошо, если её смерть хотя бы поможет другим молодым музыкантам найти свой путь в искусстве.

А Павлова приговорили к восемнадцати годам лишения свободы. Его коллекция была конфискована, а краденые произведения искусства возвращены законным владельцам.

Справедливость восторжествовала. И хотя цена была слишком высокой – жизнь человека, – я была рада, что смогла внести свой вклад в её торжество.

Вот так закончилась моя первая детективная история. Надеюсь, она останется и последней. Но что-то мне подсказывает, что жизнь приготовила для меня ещё немало сюрпризов...

Рецепт идеального убийства.

Меня зовут Татьяна Сергеевна Кастрюлькина, и если бы кто-то сказал мне месяц назад, что я окажусь в центре детективной истории с трупом знаменитого шефа, я бы посоветовала этому человеку обратиться к психиатру. В мои сорок два года самым захватывающим приключением в моей жизни был поход в супермаркет за продуктами, когда там случайно встретила одноклассницу, с которой не виделась двадцать лет.

Глава 1: Кулинарный мастер-класс

Всё началось с того, что моя подруга Людка Петрова решила заняться саморазвитием. В один прекрасный четверг она позвонила мне в половине восьмого утра, когда я ещё лежала в постели и размышляла, стоит ли вставать или можно ещё поваляться.

– Танька, вставай! – заорала она в трубку так громко, что я чуть телефон не уронила. – У меня для тебя сюрприз!

– Людка, ты спятила? Какой ещё сюрприз в такую рань?

– Я выиграла два билета на кулинарное шоу! Представляешь? Сам Алексей Кремов будет вести мастер-класс!

Алексея Кремова я знала по телевизору. Красивый мужчина лет тридцати пяти, всегда безупречно одетый, с ослепительной улыбкой и манерами аристократа. Его ресторан "Золотая ложка" считался одним из лучших в городе, а сам он был настоящей звездой кулинарного мира. Ну и цены в его заведении кусались так, что обычным смертным вроде нас туда дорога была заказана.

– И зачем мне это? – спросила я, зевая. – Я и дома готовить не особо люблю, а тут ещё какой-то мастер-класс.

– Танька, ты совсем дура? – возмутилась Людка. – Это же бесплатно! И дают ужин в ресторане! А ты всё жалуешься, что муж тебя никуда не водит.

Муж мой, Виктор Петрович, действительно был не любитель светских раутов. Максимум его романтики – это сходить в пиццерию на углу нашего дома. А тут такая возможность! Я быстро взвесила все за и против.

– Хорошо, – согласилась я. – Но если будет скучно, ты мне должна будешь новую сковородку.

– Танька, там будет такой шикарный банкет! – мечтательно протянула Людка. – Я уже видела программу на сайте.

Через два часа я стояла перед зеркалом и думала, что надеть. В конце концов, остановилась на чёрном платье, которое покупала на день рождения свекрови. Оно было единственным более-менее приличным в моём гардеробе.

Кулинарное шоу проходило в огромном выставочном зале в центре города. Людка встретила меня у входа, вся сияющая от счастья. На ней было новое платье, туфли на каблуках и даже серьги, которые она надевала только по особым случаям.

– Танька, ты представляешь, нас будут снимать! – шепнула она мне на ухо. – Может, попадём в телепередачу!

Внутри зала было человек двести, не меньше. В основном женщины разного возраста – от молодых мамочек до пенсионерок. Мужчин было совсем немного. Сцена была оформлена как настоящая профессиональная кухня: блестящие плиты, духовки, холодильники, а на столах стояли тарелки с уже готовыми блюдами для демонстрации.

Людка утащила меня в третий ряд, откуда был отличный обзор. Я оглядела зал и заметила несколько знакомых лиц. За столиком для прессы сидела Анна Критикова, ресторанный критик местной газеты. Злые языки поговаривали, что её рецензия может либо вознести ресторан до небес, либо похоронить навсегда. Женщина лет пятидесяти с кислым выражением лица, она постоянно что-то записывала в блокнот.

В первом ряду я узнала Сергея Сковородкина, владельца сети кафе "У Сергеича". Толстый мужчина с красным лицом, он постоянно вертелся и нервничал. Поговаривали, что его бизнес последнее время идёт не очень хорошо.

– Дамы и господа! – раздался голос ведущей, стройной блондинки в красном платье. – Встречайте звезду нашего мероприятия – шеф-повара ресторана "Золотая ложка", обладателя множества престижных наград, Алексея Кремова!

Зал взорвался аплодисментами. На сцену вышел тот самый красавец, которого я видела по телевизору. В белоснежном поварском халате и высоком колпаке он выглядел как настоящий маэстро кулинарии.

– Добро пожаловать в мой мир вкуса! – объявил он, широко разведя руки. – Сегодня я научу вас готовить моё фирменное блюдо – медальоны из телятины с трюфельным соусом!

– Трюфели! – восхищённо шепнула Людка. – Танька, ты представляешь, сколько это стоит?

Честно говоря, я слабо представляла. Мой кулинарный опыт ограничивался котлетами, борщом и оливье на Новый год. Но выглядело всё очень впечатляюще.

Алексей начал демонстрацию. Он рассказывал о каждом ингредиенте, показывал, как правильно держать нож, как нарезать мясо. Его помощники – две девушки в таких же белых халатах – подавали ему всё необходимое и убрали за ним посуду.

– А теперь самое главное – трюфельный соус, – объявил шеф. – Это секрет моего ресторана, и сегодня я впервые раскрываю его публично!

Он взял маленькую баночку с чёрным содержимым и начал что-то колдовать с кастрюлькой. Запах был потрясающий – я почувствовала его даже с третьего ряда.

– Видите, как важно не переборщить с трюфелями, – говорил Алексей, помешивая соус деревянной ложкой. – Слишком много – и блюдо будет испорчено. Слишком мало – не почувствуете вкуса.

Одна из его помощниц, симпатичная брюнетка лет двадцати пяти, подала ему тарелку с готовыми медальонами. Алексей полил их соусом и поднял тарелку, показывая залу.

– Итак, блюдо готово! – объявил он. – А теперь самый важный момент – дегустация!

Он взял вилку, отрезал кусочек мяса с соусом и отправил в рот. Жевал, закрыв глаза, явно наслаждаясь вкусом.

– Превосходно! – сказал он, открыв глаза. – Именно такой вкус должен быть у...

И тут он вдруг замолчал. Лицо его исказилось, рука схватилась за горло. Тарелка выпала из рук и разбилась о пол сцены.

– Что... что это... – прохрипел он и рухнул на колени.

Зал ахнул. Помощницы бросились к нему, одна начала трясти за плечи, другая кричала что-то про врача. Алексей забился в судорогах, из уголка рта потекла пена.

– Вызовите скорую! – закричала ведущая. – Быстро!

Но было уже поздно. Через несколько секунд известный шеф перестал двигаться. Глаза его остекленели, и даже я, далёкая от медицины, понимала – он мёртв.

В зале началась паника. Кто-то кричал, кто-то плакал, многие бросились к выходу. Людка вцепилась в мою руку так, что я подумала – синяк будет точно.

– Танька, что это было? – шептала она, белая как мел. – Он же только что... он же был живой...

Я тоже была в шоке, но что-то внутри меня подсказывало – это не случайность. Человек не может просто так умереть от собственной еды. Особенно такой профессионал, как Алексей Кремов.

На сцену выбежали охранники, кто-то уже вызвал полицию. Блюдо, которое пробовал шеф, валялось на полу, перемешавшись с осколками тарелки. Но я успела заметить странную деталь – одна из помощниц, та самая брюнетка, очень уж спокойно реагировала на происходящее. Пока все вокруг паниковали, она методично убирала со стола какие-то баночки и инструменты.

– Прошу всех оставаться на местах! – объявил появившийся мужчина в форме полицейского. – Никто не покинет зал до выяснения обстоятельств!

Людка всхлипнула:

– Танька, а вдруг это отравление? А вдруг мы тоже... а вдруг в воздухе что-то...

– Успокойся, – сказала я, хотя сама чувствовала, как колотится сердце. – Мы же ничего не ели.

Но мысли мои были заняты совсем другим. Почему эта помощница так спокойна? И что она убирала со стола? Все остальные стояли как вкопанные от ужаса, а она продолжала свою работу, словно ничего особенного не произошло.

Приехавшие врачи констатировали смерть. Алексея Кремова увезли, а нас всех начали опрашивать. Дежурный следователь, майор Петров, мужчина лет сорока с усталыми глазами, методично расспрашивал каждого о том, что мы видели.

– Гражданка Кастрюлькина, – обратился он ко мне, – вы что-нибудь заметили необычного?

Я рассказала про помощницу, которая убирала со стола. Майор записал в блокнот, но особого энтузиазма не проявил.

– Понятно. Ещё что-нибудь?

– А что, по-вашему, это действительно отравление? – спросила я.

– Пока рано говорить. Экспертиза покажет. Можете быть свободны, но оставьте контакты на случай дополнительных вопросов.

Мы с Людкой вышли на улицу уже затемно. Вместо обещанного банкета мы получили нервное потрясение и кучу вопросов без ответов.

– Слушай, Танька, – сказала Людка, когда мы дошли до остановки, – а ведь интересно получается. Человек всю жизнь готовит, знает все продукты как облупленные, а тут на тебе – отравился собственным блюдом.

– Или его отравили, – задумчиво произнесла я.

– Думаешь?

– А ты не заметила эту помощницу? Как она спокойно всё убирала? Мне показалось подозрительным.

– Может, она просто от шока в ступор впала? – предположила Людка. – Люди по-разному реагируют на стресс.

Может быть, она и права. Но что-то мне подсказывало – не всё так просто. И когда на следующий день в новостях сообщили, что в организме Алексея Кремова обнаружен редкий яд, я поняла – моя интуиция меня не подвела.

Началась настоящая детективная история. И я, домохозяйка Татьяна Кастрюлькина, случайно оказалась в самом её центре.

Глава 2: Рецепты и секреты

На следующее утро я проснулась с мыслью о том, что вчерашний кошмар мне приснился. Но стоило включить телевизор, как все новостные программы заговорили о трагической смерти знаменитого шефа Алексея Кремова. Журналисты наперебой выдвигали версии: от несчастного случая до заговора конкурентов.

Людка позвонила ровно в восемь утра, когда я допивала первую чашку кофе:

– Танька, ты видела новости? Там говорят, что это точно отравление! А мы с тобой были свидетелями убийства!

– Людка, не драматизируй, – попыталась я успокоить подругу. – Может, он просто переборщил с какими-то экзотическими специями.

– Да ладно тебе! Помнишь, как та помощница спокойно убирала со стола? Точно что-то знала!

Честно говоря, эта мысль не давала мне покоя всю ночь. Почему девушка была так невозмутима, пока все вокруг паниковали? И что именно она так поспешно прятала в сумку?

– Слушай, – решила я, – а давай сходим в ресторан Кремова? Может, там что-то узнаем.

– Ты с ума сошла? Зачем нам это?

– Любопытство, – честно призналась я. – Хочется понять, что там происходило.

Ресторан "Золотая ложка" располагался в центре города, в старинном особняке с колоннами. Когда мы подошли к зданию около полудня, перед входом толпились журналисты и просто любопытные. Вход был перегорожен лентой, дежурил полицейский.

– А что, думаете, нас туда пустят? – засомневалась Людка.

– Не пустят, так не пустят. Но попытка не пытка.

Я подошла к полицейскому, молодому парню лет двадцати пяти, и попыталась изобразить убитую горем поклонницу:

– Молодой человек, а нельзя ли нам зайти внутрь? Мы вчера были на мастер-классе, и для нас Алексей Викторович был кумиром...

Парень покачал головой:

– Извините, но ресторан закрыт до окончания следствия. Никого не пускаем.

Тут из здания вышел знакомый майор Петров. Увидев меня, он удивленно поднял брови:

– Гражданочка Кастрюлькина? А вы что здесь делаете?

– Да вот, хотела цветы возложить, – соврала я, показывая на купленную по дороге розу. –

Очень переживаю из-за вчерашнего.

Майор внимательно посмотрел на меня:

– А скажите, вы хорошо запомнили, что происходило на сцене? Может, еще что-то вспомнили?

– Собственно, да. Меня беспокоит поведение одной из помощниц шефа. Той брюнетки. Она как-то уж очень спокойно реагировала на смерть своего начальника.

– Интересно, – кивнул майор. – А не хотели бы вы помочь следствию? У нас есть несколько вопросов к персоналу ресторана, а женский взгляд иногда замечает то, что упускают мужчины.

Я аж подпрыгнула от неожиданности:

– Серьезно? А это законно?

– Вполне. Вы будете присутствовать при опросе в качестве общественного помощника. Если согласны, конечно.

Людка толкнула меня локтем в бок:

– Танька, ты что, серьезно?

– А что? Интересно же!

Через полчаса мы сидели в кабинете управляющего ресторана, который временно превратили в допросную комнату. Майор Петров разложил на столе блокнот и ручку, а я устроилась в уголке, стараясь быть незаметной.

Первым пригласили су-шефа Дмитрия Сковородкина – высокого худощавого мужчину лет тридцати с нервными движениями. Он постоянно теребил пальцами край куртки и избегал прямого взгляда.

– Дмитрий Алексеевич, расскажите о ваших отношениях с покойным, – начал майор.

– Алексей Викторович был отличным шефом, – ответил Сковородкин, но в голосе слышалось напряжение. – Требовательный, конечно, но справедливый.

– А конфликты у вас с ним случались?

Су-шеф помолчал, потом вздохнул:

– Ну, были разногласия... Я считал, что заслуживаю большего признания. Работал в ресторане три года, знал все рецепты, а он меня даже соавтором не считал.

– Поясните, что вы имеете в виду.

– Видите ли, многие фирменные блюда "Золотой ложки" были разработаны не только Алексеем Викторовичем. Я тоже внес свой вклад. Тот же трюфельный соус, который он вчера готовил – моя идея была добавить туда белое вино и чеснок. Но в меню везде указано "фирменное блюдо шеф-повара Кремова".

Ага! Вот и первый мотив. Профессиональная зависть – дело серьезное.

– И как долго это вас не устраивало? – спросил майор.

– Последние полгода особенно. Я даже подумывал об открытии собственного ресторана.

Но для этого нужны деньги и... рецепты.

– Какие рецепты?

– Ну, те, которые мы разрабатывали вместе. Я считаю, что имею на них право.

Майор что-то записал в блокнот:

– Понятно. А вчера утром, во время подготовки к мастер-классу, вы присутствовали на кухне?

– Конечно. Помогал готовить ингредиенты, проверял оборудование.

– И кто еще там был?

– Марина, помощница шефа. Антон, второй помощник. Официанты заходили за посудой.

– Скажите, а трюфельный соус готовил сам Алексей Викторович?

Дмитрий задумался:

– Да, он всегда сам готовил соусы для публичных выступлений. Не доверял никому свои секреты.

– А где хранились ингредиенты для соуса?

– В холодильнике для деликатесов. Он закрывается на ключ, ключ только у шефа и у меня.

Интересно! Значит, доступ к ингредиентам был ограничен.

После су-шефа пригласили Марину Прокофьеву – ту самую брюнетку, которая так спокойно убирала со стола. Вблизи она оказалась еще симпатичнее, чем показалось на сцене. Лет двадцать пять, стройная, с умными карими глазами.

– Марина Игоревна, вы работаете помощником шефа уже два года? – начал опрос майор.

– Да, я пришла сюда сразу после кулинарного колледжа.

– И как складывались ваши отношения с Алексеем Викторовичем?

Девушка слегка покраснела:

– Нормально. Он был хорошим наставником, много меня научил.

– А вчера, когда произошла трагедия, вы очень спокойно себя вели. Почему?

– Я была в шоке, наверное. Не могла поверить, что это происходит на самом деле. Поэтому продолжала делать то, что привыкла – убирать за шефом.

– И что именно вы убирали?

– Баночки со специями, остатки ингредиентов. Все как обычно.

– А среди этих ингредиентов не было ничего необычного?

Марина немного помедлила:

– Нет, все как всегда. Трюфели, сливки, вино, чеснок, травы...

– Скажите, а у кого был доступ к продуктам, которые использовались для соуса?

– У шефа, у Дмитрия Алексеевича, у меня и у Антона.

– У вас тоже есть ключ от холодильника с деликатесами?

– Нет, но я знаю, где шеф его прячет. Все знают, на самом деле.

Майор переглянулся со мной. Круг подозреваемых расширяется.

– Марина Игоревна, а что вы можете сказать о профессиональных отношениях в коллективе? Были ли конфликты, разногласия?

Девушка явно занервничала:

– Ну, Дмитрий Алексеевич иногда жаловался, что шеф его недооценивает. А еще... – она запнулась.

– Что еще?

– Недавно была история с рецептами. Шеф обвинил нас с Антоном в том, что мы передали кому-то информацию о новом блюде.

– Что за блюдо?

– Паштет из гусиной печени с коньяком и черным перцем. Шеф разрабатывал его специально для конкурса молодых кулинаров. А потом увидел точно такой же рецепт в меню ресторана "У Сергеича".

"У Сергеича"! Того самого Сергея Сковородкина, который сидел вчера в первом ряду! Дело становится все интереснее.

– И что произошло дальше?

– Шеф устроил нам с Антоном серьезный разбор полетов. Обвинил в предательстве, грозился уволить. Хотя мы клялись, что никому ничего не рассказывали.

– А как вы думаете, кто мог передать рецепт?

Марина пожала плечами:

– Не знаю. Может, кто-то подслушал, когда шеф объяснял нам технологию приготовления. Или подсмотрел записи в его блокноте.

– У шефа был блокнот с рецептами?

– Да, черная кожаная записная книжка. Он всегда носил ее с собой и записывал туда новые идеи.

– И где сейчас этот блокнот?

– Не знаю. После смерти шефа я его не видела.

Майор сделал пометку в своем блокноте. Я тоже мысленно отметила этот факт – пропавший блокнот с рецептами мог быть важным.

Следующим пригласили Антона Жареного – второго помощника шефа. Парень лет двадцати трех, светловолосый, с веснушками, выглядел очень молодо и несколько испуганно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.